Л.А.ЧЁРНАЯ

"ОРАЦИИ" СИМЕОНА АДАМОВИЧА 1670-х гг.

Среди рукописей, собранных известным в своё время собирателем Ф.Ф.Мазуриным, хранится небольшой отрывок из рукописного сборника XVII столетия[1]. Всего 6 листков в 4 , исписанных мелким четким полууставом, черными чернилами с киноварными заголовками. Листы не пронумерованы, но на полях оборотной стороны первого листа содержится помета: "Глава и ", что означает, что когда-то этот отрывок был частью большой рукописи. Об этом же говорит и начинающееся с середины, а скорее почти с конца, повествование о факультетах средневековых университетов: "Юрись пруденцта, та учит о всяких законех и правах известно творити и приговор чинит, что праведно или неправедно. И сие ведомство мирским людем требно ведати зело. Третий факултет - медицина, та учит составы человеческаго телеси все прямо знати и откуды и отчего которая болезнь зачинается и бывает, и как те болезни потребными и природными меры лечити и исцеляти".

Следом за этим отрывком помещены три "орации" Симеона Адамовича, две из которых публикуются ниже. За ними следует любопытное сочинение "О человечестем естестве, видимем и невидимем", которому посвящены специальные исследования[2]. Завершается рукопись изложением притчи, широко распространенной в рукописных сборниках XVII века и посвященной сюжету об Антихристе.

"Орации" Симеона, назвавшего себя "неволником, ссылным протопопом", привлекли наше внимание по нескольким причинам. Во-первых, интересна сама судьба Симеона, фамилию которого установить не составило труда - Адамович -, так как под ней он проходит во многих документах Малороссии второй половины XVII в. Во-вторых, речи протопопа, обращенные к митрополиту Сибирскому и Тобольскому Павлу и дьяку Алмазу Ивановичу Чистому, содержат богатый историко-культурный и литературоведческий материал.

Симеон Адамович был сослан в Тобольск в 1677 году по указу царя Феодора Алексеевича после суда в Малороссии / январь 1677 г./. В чем же он обвинялся ? Будучи Нежинским и Иченским протопопом, он вел активную политическую деятельность, которая и привела его в ссылку. В борьбе между П.Дорошенко и гетманом И.Самойловичем он оказался на стороне проигравшего Дорошенко. Адамович сознался в том, что призывал казацкую верхушку к бунту, к убийству Самойловича. Первоначально Симеон был приговорен к смертной казни, но по государевой грамоте помилован, а по решению генеральной старшины и духовного суда должен был постричься в монастырь. Сначала он смиренно согласился принять постриг, заявив что давно мечтал об этом, но потом, попав в Чернигов в руки Лазаря Барановича, от пострига отказался наотрез. Возможно, он не захотел зависеть от Барановича, архиепископа Черниговского, отнявшего в 1675–76 годах у протопопа его "маетности", дававшие немалый доход. Отказ свой от пострига Симеон сопроводил лишь словами: " Не хочу иночества, да не будут последняя горше первых".

Судьба Адамовича была решена после разговора царского стольника Карандеева с гетманом Самойловичем, который заявил, что отправит протопопа,в Москву вместе с другим заговорщиком Рославцем, "чтоб великий государь пожаловал меня, приказал сослать их на вечное житье в дальние сибирские города для страха другим"[3]. 11 августа Симеон был уже в Москве, а вскоре отправился в сибирскую ссылку.

Симеон Адамович – фигура не безызвестная в малороссийской истории и литературе ХУП века. Недаром в одной из своих "ораций" он говорит о себе как о лице "бывша в сей малороссийской земле славна и почитаема". Его биографию и судьбу подробно проследил в своих работах В.О.Эйнгорн[4]. Получивший традиционное для того времени образование, Симеон был хорошо знаком с поэтикой и риторикой. Сочинением вирш он, вероятно, не увлекался, иначе не преминул бы воспользоваться своим умением в столь важных для его судьбы "орациях".

Публикуемые ниже две речи ссыльного протопопа показывают прежде всего распространение в Малороссии и России второй половины ХУII века нового для неё литературного жанра - "орации". Приветственные речи панегирического содержания появились в Москве, вероятно, вместе с известным поэтом Симеоном Полоцким, который не скрывал, что его задача "вливать бальзам лести в уши сановников"[5]. Первым "меценатом", слушавшим хвалебные речи последнего, был Ф.М.Ртищев, затем пошёл целый поток панегириков царю и членам его семьи, сановникам и их детям, жёнам и т.д. Произведения подобного малого литературного жанра, называемые то "поклонениями", то "благословениями" неоднократно преподносил Алексею Михайловичу, Феодору Алексеевичу, Ивану и Петру Алексеевичам, а также царевне Софье черниговский архиепископ Лазарь Баранович[6]. Занимались этим и другие писатели той поры.

Ученики Симеона Полоцкого разрабатывали и развивали этот жанр в стихотворном ключе. Так, Карион Истомин многократно сочинял "стихотворные орации" и по случаю церковных праздников / Пасхи, Рождества и др./ и по светским поводам.[7] Особенно интересна его "Воскресная стихотворная рацея патриарху Иоакиму о строении школьном", в которой оговорена специальная тема речи, объединяющая панегирические и проповеднические элементы.

Орации быстро вошли в моду в Москве, в основном, в придворных кругах и у высших иерархов церкви. Приведем лишь один пример: после получения места священника в Москве глуховский протопоп И.Шматковский счёл нужным поднести патриарху "лист о похвале рацейной в лицах"[8]. Оформление речей в виде грамоты с изображениями, орнаментом, а затем и в виде гравированной "конклюзии" стало к концу ХУII ст. едва ли не обязательным элементом придворного этикета. Когда в 1687 году украинский полковник Иван Перекрест привез в Москву своих сыновей, чтобы представить их царям и царевне, Фёдор Шакловитый потребовал от него

подготовить "рацею", а затем и "книгу и лист к похвале великой государыне...", что и было сделано[9].

Прослеживая развитие жанра конклюзии, М.А.Алексеева подчеркивает, что "наряду с книжными панегирическими гравюрами получают распространение отдельные подносные, похвальные листы, где текст посвящения включен в изображение"[10]. Для выполнения своих "ораций" в гравюре с украшением в виде цветочного орнамента, аллегорических фигур и античных божеств у Симеона Адамовича просто не было средств и возможностей, но заголовки и наиболее важные, по мнению автора, места текста он выделил киноварью.

Орации Симеона Адамовича построены по всем правилам риторики, с учётом системы трех стилей Цицерона и методических указаний профессоров Киево-Могилянской академии. Последние, судя по сохранившимся курсам риторики[11], обучали своих слушателей не только основам риторического искусства, но в особенности составлению панегириков и речей на общественно-политические темы. Причем, ко второй половине ХУП в. постепенно возрастает и у преподавателей и у студентов интерес именно к панегирикам как наиболее распространенной форме "орации". Если в первом известном сейчас курсе риторики Иосифа Кононовича-Горбацкого, прочитанном в 1635/36 учебном году в Киево-Могилянской коллегии, даются советы по составлению прощальных погребальных речей, либо перед отъездом за границу для учебы, приветственной речи к отцу по возвращении из-за границы, то в многочисленных риториках конца ХУП столетия примеры похвальных речей в честь воинов, героев, казаков, полководцев, не говоря уже о выдающихся деятелях украинской культуры Петре Могиле, Сильвестре Коссове, гетманах, профессорах и т.п. занимают едва ли не самый большой объём в курсах[12]. Возрастает

не просто их количество, возрастает их светская направленность, их связь с исторической действительностью. Как бы в противовес этой направленности в дальнейшем, во второй половине XVIII века, будет дано указание профессорам сократить светско-панегирический элемент и усилить религиозно-проповеднический. Но в конце XVII - начале XVIII вв. пока еще торжествует панегирик, а не проповедь.

Орации, составленные Симеоном Адамовичем в Тобольске, были не первыми и не единственными в его жизни, об этом говорит четкая структура произведений, выдержанность стиля, умелое обращение к библейским текстам, использование метафор, сравнений и других типичных "украшений", диктуемых риторическими правилами. Его речи одновременно и панегирики своим покровителям, помогающим переносить ссылку, и оправдательные речи перед государственными чиновниками, случайно встреченными в Тобольске. Ни на минуту он не упускает из виду своё бедственное положение ссыльного, "безвинное" страдание, пытаясь вызвать сочувствие и жалость. Кроме того, он не забывает и о религиозно-просветительском аспекте своих речей, как бы учитывая что перед ним слушатели, далекие от схоластической образованности. Так, он считает нужным пояснить значение слова "орация": "Приветствование славенски, орация ж латински". Обращаясь к Алмазу Чистому он напоминает, что "алмаз диалектом полским диамент нарицается, силу в себе имеющий сердца человеческия скорбныя обвеселяти..." При этом автор всё же не сбивается на поучительный тон, напротив, не один раз подчеркивает, что даёт советы и пояснения "не своим худоумием", что призывает "не отвратить лица от требующего", то есть от него самого, "не во указ и во научение, но яко премудрому по притчам даю тебе вину да премудрейши будеши". Тема самоуничижения тесно переплe-

тается у Адамовича с темой незаслуженно обиженного, высокого по достоинству и чести человека. Как бы оправдываясь, что "орацию" свою ему пришлось составлять без необходимых книг, по памяти, он демонстрирует прекрасное знание библейской символики, сюжетов и притч, умело увязывая их с сегодняшним днём и с конкретным лицом восхваляемого. Митрополита Павла, например, он сравнивает с голубицей, посланной Ноем из ковчега и принесшей масличную ветвь: "преосвященство Ваше, аки от Ноя праведнаго голубица ис ковчега от великаго Государя и от святейшаго Патриарха со царствующаго града Москвы со двема крилома, со царскими рекуще изволением и со светлейшего патриархи благословением, зде в Сибирскую иерархию отпущенна, во место сучца масличнаго мир во устех своих словесному си стаду приносяща". Дважды он ссылается на Иисуса Сирахова, многократно цитирует "апостолские словеси", упоминает широко распространенное в древнерусской литературе изречение пророка Давида об обращении плача в радость / " ныне плач их обращается им в радость..., вечер водворится плач, а заутра радость" /, не говоря уже об избитых стандартных призывах творить праведный суд, ссылаясь на притчи премудрого Соломона, не обижать "сирых", быть "милостивыми" и т.п.

Ведущей темой ораций Симеона остается прославление личности митрополита Сибирского и Тобольского Павла, вступившего на престол после смерти Корнилия, и "большого дьяка" Алмаза Ивановича Чистого, прибывшего в Тобольск вместе с бояриным П.В.Шереметевым. Как в первом, так и во втором случае он находит искусный приём сопоставления: в первом случае он сравнивает Павла с Ноевой голубицей, во втором - "прослеживая" премудрость, якобы отразившуюся на лице дьяка - согласно "Физики" Иисуса Сирахова. Заявляя об объективности и непредвзятости своего подхода, автор тем не менее выделяет в объектах восхвале-

ния именно те черты, которые соответствуют типам церковного иерарха и государственного чиновника: в Павле он "видит", "как по писанному преподобен еси господине, незлобив, бескверен, отлучен от грешник"; в дьяке он обнаруживает "мудрость человеческу" - "един еси от премудрых и разумных, господине..." Всё это позволяет оратору ненавязчиво включить в число пожеланий / которые, по правилам, должны заключать панегирик / именно те, которые могут облегчить положение ссыльного протопопа. Митрополиту Павлу он желает сохранить все перечисленные качества, "да не умеет враг на тя и сын беззакония не приложит озлобити тя", и вдобавок к ним стать "равным древним святителем милостивым, страннолюбивым, сиротам и вдовицам заступником и н а м, б е д н ы м н е в о л ь н и к о м, питателем и освободителем " / разрядка наша - Л.Ч./. Большому дьяку, как человеку сугубо светскому да к тому же незнакомому, протопоп подает менее настойчивые, аккуратные советы, постоянно оговаривая, что дьяк и сам всё прекрасно знает. Среди этих советов, прежде всего, пожелание "соблюсти доброе апостольское совещание и от нас, узников, в бедах, теснотах и во узах сущих, аще и незнаемых ти, не отвращайся, аки древле Онисифор апостольский", а затем традиционные пожелания здоровья, мира и благополучия здесь, в Сибири, и столь же благополучного возвращения в Москву /" да не преткнеши о Сибирскаго камене ноги твоея"/. Завершает свою речь "на приезд" Симеон обыгрыванием имени Чистого: " на земли поживи яко по прозвателству чистому, со чистым сердцем..."

Орации Симеона Адамовича интересны прежде всего как образчики входящего в русскую, а в данном случае даже отдалённую от столицы сибирскую литературу, нового жанра[13]. В чём же новизна ? Древнерусская культура богата примерами ораторского искусства, вспомнить хотя бы знаменитое "Моление Даниила Заточника", непревзойденное по образности мысли и языка сочинение XII в. Несмотря на

временные ножницы, разделяющие "Моление" и наши орации, между ними наблюдается много общего: тот же панегирический элемент, ярко выраженный просительный тон обращения, та же концовка с пожеланием безусловного благополучия. Конечно, речи Симеона Адамовича значительно уступают в литературном мастерстве, отточенности стиля, образности речи своему далекому предшественнику, но сходство жизненных ситуаций диктует и сходство логических построений обоих произведений. Но дело не только в этом сходстве. Похожей, на наш взгляд, оказывается общая культурная ситуация, требующая поэтического, "образованного" выражения человеческих переживаний подобного рода. Возрождение придворной культуры светского характера - вот та основа, на которой вырастает общность упомянутых произведений. Почему ссыльный протопоп не прибегнул к простой челобитной, где по традиции пожаловался бы на судьбу, припомнил бы все свои заслуги и попросил бы "пожаловать как Бог на душу положит" ? Почему он избрал путь поэтического осмысления жизни, путь творческий, основанный на правилах риторического искусства, панегирик и "судебное ораторство" ?

Да потому что Симеон Адамович следовал уже сложившейся моде на орации, продиктованной в свою очередь спросом на творческую образованную личность. Протопопу необходимо было обратить на себя внимание церковных и светских властей и для этого был избран способ личного приветствования, ставивший просителя лицом к лицу со своим потенциальным благодетелем и в то же время создающий между ними искусственную и искусно сотканную связь посредством риторического искусства. Избранный путь поднимал автора речей на совершенно новый уровень - он представал не простым просителем, а образованным приверженцем "семи свободных художеств", знатоком и священного писания и "латинских" и "польских" барочных символов и форм. Через орации он демонстрировал свои познания и своё ис-

кусство, а искусство слова в то время было в высокой цене, на что и рассчитывал Симеон Адамович.

Позиция протопопа в выборе жанра, тем ораций, их структуры и стиля продиктована не только курсом риторики, но, в конечном итоге, открытием личности в русской культуре второй половины ХУП века[14]. Орации - литературный жанр, как нельзя лучше подтверждающий это открытие. Они предполагают личностный аспект во всех возможных проявлениях: прежде всего раскрывается личность автора-исполнителя, затем личность человека, которому посвящена орация или к которому она обращена. В целом же, орации дают яркое представление о бытующих в культуре того времени общих представлениях о человеческой личности вообще, какие черты включались в идеал, как отражался социальный статус того или иного лица при его характеристике, какие приёмы использовались для создания словесного портрета и т.д. Орации Симеона Адамовича служат убедительным доказательством этого. Как уже отмечалось, в них многогранно отражена личность ссыльного протопопа, а также его адресатов - митрополита и дьяка, в соответствии с "чином" каждого из них; намечен идеал духовного пастыря и государственного служащего, подчеркнуты основные достоинства, выделяемые в человеке того времени: образованность, начитанность, разумность в сочетании с комплексом религиозных добродетелей, тяга к творчеству и красоте...

С подобных позиций могут быть проанализированы и другие орации второй половины ХУП столетия, в особенности Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева, Кариона Истомина и др. При всех несомненных различиях, они тем не менее будут рисовать примерно один идеал монарха, церковного деятеля, "совершенного человека" своего времени. Панегирический тон стихотворных и прозаических речей, "слов" поучений и т.п. звучит в унисон с придворной этикетной культурой формирующегося российского абсолютизма.

Примечания

I. ЦГАДА.Ф.196.Оп.I.№ 504. Л.I-3 об.

2. См.: Гаврюшин Н.К, Древнерусский трактат "О человечестем естестве".// Естественно-научные представления Древней Руси. М.,I988.С.220-227.

3 Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.,I962. Кн.УII.С.20I-206, 209.

4. См.: Эйнгорн В.О. Очерки из истории Малороссии в ХУII в. Т.I. М.,I899.С.57-59, I07-I08, I09,I24,I66,229,322,326-327 и др.

5. См.:Голубев С.Т. Отзыв на соч. В.О.Эйнгорна.// Записки имп. Академии наук. Спб.,I902.Т.6.№ 2.С.II8.

6. См.: Сумцов Н. К истории южнорусской литературы ХУII столетия. Вып.I.Харьков, I885.С.55,II2.

7. Памятники общественно-политической мысли в России конца ХУ II века.// Литературные панегирики. М.,I983.С.99-I00,II3-II7.

8. Эйнгорн В.О. Иван Андреевич Шматковский, протопоп Глуховский. Киев.I892.

9. Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках.Т.I,СПб., I884.С.659-660.

I0. См.: Алексеева М.А. Жанр конклюзии в русском искусстве конца ХУII - начала ХУШ в.// Русское искусство барокко. Материалы и исследования. М.,I977.С.16.

II.См.: Стратий Я.М.,Литвинов В.Д.,Андрушко В.А. Описание курсов философии и риторики профессоров Киево-Могилянской академии. Киев, I982.С.II-I7.

I2. Там же. С.I4-I5.

I3. См.:Елеонская А.С. Новые тенденции в развитии ораторской прозы.// Развитие барокко и зарождение классицизма в России ХУII- начала ХУШ в.М.,I989.С.I04-II8.

I4. См.:Чёрная Л.А. Концепция личности в русской литературе второй половины ХУII - первой половины ХУШ в.// Развитие барокко и зарождение классицизма в России. С.220-232.

Приложение

л.I ПРИВЕТСТВОВАНИЕ[1] славенски, орация ж латински посмерти преставльшагося преосвященнаго Корнилия, митрополита Сибирского и Тоболского, новопоставленному по нем на престол митрополии Сибирское преосвященному Павлу, митрополиту Сибирскому и Тоболскому от неволника ссылнаго Нежинского и Иченскаго протопопа Семиона, бывша в сей малороссийской земле славна и почитаема, ныне же попущением Божиим за умножения безакония от равнодушных и знаемых землян своих по зависти, а не по делу царскому пресветлому величеству оклеветана, заточением в Сибирской земли в первоначалном граде Тоболске со всякою нищетою и нуждою страждуща, но милостивою Христовоя и благородных и благочестивых господ в ту пору в Тоболске владычествующих не презираема, понеже они господа чающе мзди от небеснаго Бога, то дадавца душам и телом своим не по моему достоинству, но по своей христианской милости покоиша мя. Да и сами за сие вечного упокоения со праведными сподобятся, поелику в такой печали сущу, возможно книг не имущому составленна и во двсое митрополитанском

2 в средней храмине пред лицем его святителским во услышание ему, архиерею Божию, и всем тамо предстоящим на воспоминание почаjку владычествия его, на нынешние и в предидущие часы кто схощет прочесть и послушати, да будет на нем Божие и его архиерейское прощение и благословение. От вышепомянутого протопопа наизусть проповеданна сице[2]:

Попущением Божиим за умножение беззакония живущих на земли, тогда когда общий потоп бяше на лицу земли: Преосвященнейший господине отче Павле Митрополита Сибирский и Тоболский пастырь // и благодетель мой милостивый: праведный Ной посла голубицу, как пишет во книгах Бытия, и посла Ное голубицу ис ковчега и возвратися к нему голубицу имеяше сучец масличный

во устех своих: подобие тому же прилучися притчею рекуще в Сибирском царствии в державе великаго Государя нашего его царского пресветлаго величества: потоп смертный найде и взят душю антецессора святителства вашого блаженныя памяти преосвященного митрополита Сибирского и Тоболского Корнилия, о чом здешние сибирские жители, мужие благочестивии, боящися бога и помнящии святителя, плакашася, что чада по отцу, бяху бо по евангельскому словеси смятени акя овцы, неимущии пастыря. Но ныне плачь их обращается им в радость, по глаголу царствующаго пророка Давида, вечер водворится плач, а заутра радость, понеже преосвященство Ваше, аки от Ноя праведнаго голубица ис ковчега, от великаго Государя и от святейшаго Патриарха со царствующаго града Москвы со двема крилома, со царским рекуще изволением и се светлейшаго патриархи благословением зде в Сибирскую иерархию отпущенна, во место сучца масличнаго мир во устех своих словесному си стаду приносяща. Яко Христос прежде, тако преосвященство ваше ныне пришел еси посреде учеників своих, мир дая им. Сего же ради и аз, аще и странен и неволник есмь, но по псалмнику причастник есмь всем боящимся тебе и хранящим повеления твоя, приветствую ти, да на престоле митрополии Сибирскаго царствия, на него же десницею святейшаго патриархи се призыванием от духа Хиротонисан еси, просветится свет твой пред человеки, яко да видевше твоя добрая дела прославят отца твоего иже ес на небесех, да возсияет же во днех твоих правда и множество мира, яко Господне есть с тобою заступление, и святаго стола іиля царя нашего пребывая многа лета, паси стадо Христово по апостолскому словеси не нуждою, но волею и по Бозе, собирай иноверныя язики во овчарню словесную, да будут едино яко же и мы. Своим святительским учением распространяй веру Христову от моря до моря и от рек даже до конец вселенныя. Видением бо паче слуха уверяемся, како по писанному преподобен еси господине незлобив, бескверен, отлучен

от грешник. Должен есмь вперед Бога в троицы славимаго ублагати, да не умеет враг на тя, и сын беззакония не приложит озлобити тя и да сотворит тя // равна древним святителем милостива, страннолюбива, сиротам и вдовицам заступника и нам, бедным неволником, питателя и свободителя, и да вашими святыми архиерейскими молитвами подаст небесный царь Христос господь помазаннику своему великому государю нашему его царскому пресветлому величеству победити врагов и супостатов ныне ратующих, да будет пут их тма иползок; и аггел господен оскорбляя и поганяя их и да потребится православным воинством корень их от земле живых и царство их в бусурманское да испровержется. Вашому же великому святительству да подаст господь многа лета церковь свою снабдевая, паству себе врученную, добре упасши и тех, иже не суть от двора сего к нему Христу приведши; во второе и страшное пришествие глас радостный услышати: Добрый рабе, благий и верный, в мале быс верен, над многоми тя поставлю, вниди, радость господа своего, чего нам, недостойный богомолец, паче же юзник Христов святительству вашому милостивому моему отцу и благодетелю со усердием получити желает .

I слово выделено киноварью.

2-2 слова выделены киноварью.

л.2. Орация на приезд в первоначалный град Сибирскаго царствия Тоболеск з бояриным Петром Васильевичом Шереметевым болшого дьяка Алмаза Ивановича Чистого зсыльным нежинским протопопом Семионом, связанна узами железными в то время будуща, написана 1678.

Исскусныи взыскатели писма святого, государь милостивый Алмаз Иванович, свидения благость человеческую обыкоша познавати: сего ради и аз, аки невежа не своим худоумием, но премудрому Иисусу Сирахови духом святым данною Фисикою наставлен будуще глаголю ти: яко мудрость человеческу просвещает лице его, прежде аще и не сподобихся видети тя, но многими людми слышах, а ныне видением паче слуха уверихся, яко един еси от премудрых и разумных господине, ибо беседа и лице твоя яви тя о сем творити неложна, совершаются на тебе слова пророческия, яко познан есть издалеча силный языком и разумевый весть в чим ся ползует. К сему ж власность имене твоего со прозвателством Алмаза чистого имееши, а алмаз диалектом полским диамент нарицается, силу в себе имеющий сердца человеческия скорбныя обвеселяти и очи мрачные темперовати, сиречь светлостию поощряти. По имени же твоему, государь мой милостивый, тако и житие твое да будет,

л.2 об. понеже милость божия и повеление царское зде тебе во влады// честве участие указали имети. Буди ж по Иеву праведному око слепым и нога хромым, не отврати лица твоего от нищаго и от требующаго не отврати очию: по словесем Иисаса Сираха, поелику ти у собеседник твоих возможно изми обидимаго из руки обидящаго; не изнемогай, егда судиши буди сирых, яко

отец и в мужа место матери их и будеши яко сын всявышняго. Да збудется на тебе речение премудраго Соломона в притчах его написанное: умеет праведный суд творити убогим, и нечестивых не разумеет. Припоминай, милость твоя, царствующаго пророка Давида слова, написанные: блажени хранящии суд и творящии правду на всякое время. Не во указ и во научение сия милости твоей глаголю, но яко премудрому по притчам даю тебе вину да премудрейши будеши, а лучше всего сам, милость твоя, знаеш, еже божия и царева исправляти праведно. А одначе не мое, но апостольское доброе совещание соблюди духом святым, живущим в тебе во всякое дело благо. И от нас, узников, в бедах, теснотах и во узах сущих, аще и незнаемых ти, не отвращайся, аки древле Онисифор апостольский. Да за сие первое от страшнаго и отемлющаго духа князем страшнаго паче царей земных Христа бога нашего, второе же от помазанника его, великаго государя нашего его царского пресветлаго величества вся желаемая тобою милостивно получиши. О сем и аз, бедный неволник, на престоле славы седящаго Бога должен молити, да дарует ти со всем твоим благодатным домом зде в Сибирской стране мирно, здраво, благополучно урочное время поживши и воспять благое со похвалением к великому Государю возвращение, в належащом же тамо шествии да заповесть тот же Господь аггелом своим сохранити тя во всех путех твоих, да не преткнеши о Сибирскаго камене ноги твоея , а потом да дарует ти прещедрая десница во троици славимаго Бога неисчетные лета, приумножении чести и славе, на земли поживши яко по прозвателству чистому, со чистым сердцем в прибытках вечнаго небеснаго царствия веселитися. Рабски того, аки неволник и богомолец, милости твоей со усердием желаю.